

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «ДИСКУРСОЛОГИЯ:
ВОЗМОЖНОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ГУМАНИТАРНОГО ЗНАНИЯ».
28–29 СЕНТЯБРЯ 2016 ГОДА
(г. Ялта, Республика Крым)**

ЯЛТИНСКИЙ ДИСКУРСОЛОГИЧЕСКИЙ КРУЖОК

Доклады

УДК 81.32

**ФОРМИРОВАНИЕ ФЕНОМЕНА ЭТНОГЕНДЕРА
С ПОЗИЦИИ ТЕОРИИ ЭТНИЧНОСТИ**

Олянич Андрей Владимирович,

Волгоградский государственный аграрный университет,
доктор филологических наук, профессор,
Волгоград, Россия,
E-mail: aolyanitch@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются различные концепции этногендерной маркированности языка и дискурса, взаимодействия языка и этнических форм мышления. Выделяются лингвистические направления исследования гендерного фактора, исследуется его зависимость от этнического происхождения носителя языка, перечисляются проблемы, возникающие при контаминации этнических и гендерных факторов коммуникации. К исследованию системности поло-ролевого или гендерно обусловленного коммуникативного поведения этногендера применяется логическое понятие эргодичности. Автор утверждает, что этнос как система обладает свойством эргодичности, поэтому и развивается по законам последней. Эти динамические изменения касаются всего «семиотического поля» этноса, в том числе и специфичности его коммуникативного поведения.

Ключевые слова:

гендер, дискурс, дискурсоразвертывание, семиотика, система, эргодичность, этногендер, этнос.

Согласно концепции А. А. Потебни, наблюдается взаимодействие и взаимовлияние означивания и формы означивания, т. е. взаимодействие структуры языка и этнических форм мышления. Феномен языка в исследованиях мыслителя самым тесным образом связан с культурой народа. Он видит в нем механизм зарождения мысли, в котором изначально присутствует творческий потенциал: «Язык есть средство не выражать уже готовую мысль, а создавать ее, он не отражение сложившегося мирозерцания, а слагающая его деятельность» [16, с. 230].

Эти идеи ученого высказаны солидарно с концепцией Вильгельма фон Гумбольдта об одновременном универсализме и идиоэтнолизме языка в целом. Как полагает Г. В. Рамишвили, исследователь творчества этого немецкого ученого, «... Гумбольдт считает «нацию» (для него по существу это то же самое, что и «народ») такой «формой индивидуализации человеческого духа», которая имеет «языковой» статус. Считая нацию «духовной формой человечества, имеющей языковую определенность», специфику этой формы он усматривает главным образом в языке, хотя при этом подчеркивает, что в формировании нации, помимо языка, участвуют и другие факторы: «если нами нации назывались духовной формой человечества, то этим совершенно не отрицались их реальность и их земное бытие; такое выражение мы выбрали только потому, что здесь вопрос касался рассмотрения их (наций) интеллектуального аспекта». Обусловленное языком естественное деление человечества на народы, хотя и имеет силу естественной необходимости, но проводится у Гумбольдта не по биологическим, расовым и тому подобным признакам, а по более высокому принципу, создающему основные и необходимые – «охарактеризованные языком» – условия человеческого бытия, возвышающие человека до решения задач своего историко-культурного назначения» [18, с. 10].

Таким образом, оба эти ученые выявили стойкую связь «... между уникальностью любого национального языка и его культурой, которая представляется как совокупность образцов предметно-практического и духовно-теоретического поведения людей, формирующаяся в процессе социально-исторического развития народа. Продолжаются исследования вопросов связи языка с обществом и культурой, влияния социо семиотических и социокультурных факторов на построение речи, взаимодействия культурных кодов с естественным языком как вербальной семиотической системой. Предстоит определить факторы, влияющие на этнически специфичную речевую деятельность, параметры отличия речевого общения одного лингвосоциума от другого, установить влияние этого отличия для осуществления адекватного общения на языке одного из них, обозначить причины национально-культурных столкновений при коммуникации» [24, с. 106].

Идеи идиоэтнолизма человеческого языка сегодня необыкновенно популярны в исследованиях по лингвокультурологии в связи с изучением этнических сходств и различий в языковых и речевых экспликациях мировых культур: этничность лингвокультур вызывает живейший интерес исследователей вследствие явного влияния этнического признака на коммуникативное поведение как этноса в целом (этносоциума), так и его отдельных представителей. Ушли в прошлое упреки Вильгельму фон Гумбольдту со стороны не понявших его труды критиков вроде Г. Штайнталя по поводу его якобы «расистских» высказываний относительно того, что язык является отличительной чертой отдельной нации, характеризующей состояние и специфику национального и расового менталитета. Как в этой связи сетует В. А. Звегинцев, «... в упрек некоторым авторам надо поставить то, что они свои выводы и достаточно категорические заключения строят на основе знакомства лишь с одной-

единственной работой В. Гумбольдта – «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода» [9].

Сегодня весьма релевантны для лингвокультурологии во многом перекликающиеся друг с другом идеи академика Ю. В. Бромлея и Л. Н. Гумилева относительно теории этничности в отношении человеческого поведения и коммуникации. Понятие «этничности» вычленяется «...в качестве признака или их совокупности у каждого индивидуума, входящего в различные социальные группы, с которыми индивидуум себя идентифицирует. В рамках теории этничности рассматривается «этнический менталитет», то есть, существующие в данном хронологическом срезе этнические стереотипы поведения» [23]. Ю. В. Бромлеем была предложена схема социально-экономической трансформации этноса, переходящего из одной общественно-экономической формации к другой: «племя» – «народность» – «нация» [2]. Классификация этнических феноменов (или иерархия этнических структур) в теории этноса Ю. В. Бромлея оказалась практически идентичной той, которая на полтора десятилетия ранее была разработана Л. Н. Гумилевым. В современной российской этнологии (этнографии) теория этничности и теория этноса являются просто различными уровнями единого мировоззрения на природу этноса и всего этнического (национального).

В теории этногенеза, созданной Л. Н. Гумилевым, исходной абстракцией исследования взято понятие «этнос». Все живое в мире группируется в таксоны, связанные с «месторазвитием» (т. е. «имеет родину») и местообитанием, т. е. с кормящим, вмещающим ландшафтом. В теории Л. Н. Гумилева весь наблюдаемый Всемирной историей антропогенез рассыпается на серию дискретных этногенезов, что объясняет различные пути развития каждой конкретной человеческой общности, формирование раз-

личных типов культуры. Единицы (люди), составляющие блоки (конвексии и консорции) персистентной этнической структуры, ее subsystemы, при следующем взрыве этногенеза (в результате мутации и появившейся новой популяции) вовлекались в его орбиту, обогащая новослагавшуюся этническую систему сохранившимися достижениями своей культуры. Этнос – не только система, но сложно структурированная система, ибо сложные системы намного более устойчивы. Более того, «...этнос закрепляет себя в социальных структурах» [7].

Понимая под системой «...известным образом организованное (т. е. упорядоченное) иерархическое целое, обладающее структурой и воплощающее данную структуру в данную субстанцию для выполнения определенных целей» [15, с. 30], т. е. функциональное образование, мы, вслед за многочисленными исследователями, отмечаем такое важное системное свойство, как динамизм, т. е. способность к самоорганизации и адаптации. Язык, как известно, относится к таким динамическим системам. Любая динамическая система обладает специальным свойством эргодичности.

Понятие эргодичности тесно связано с идеей развития: в процессе динамических изменений в какой-либо системе (т. е. в процессе эволюции) почти каждая точка системы с определенной правильностью располагается вблизи любой другой точки этой системы [14]. Это означает, что вся система членится на некоторые подсистемы, и, в соответствии с принципом эргодичности «...многообразие состояний различных подсистем в данный момент времени должно совпасть с многообразием состояний, которые примет одна выделенная подсистема с течением времени» [1, с. 11]. В применении к языку эргодичность интерпретируется как такое положение дел в языковой системе, при котором выполняется следующее условие: *если в одной части (мысленно выделенной)*

языковой системы осуществилась комбинация элементов определенного типа, то она осуществима в любой другой части системы [1. Ibid.].

Возникает вопрос о пределах распространения свойства эргодичности. В самом деле, возможна ситуация, когда комбинация элементов определенного типа, осуществившаяся в одной части системы, в другой ее части: а) осуществима со значительными отклонениями; б) не осуществима совсем. Случай (а) допустимо интерпретировать следующим образом: система перестает быть однородной, т. е. в ней регистрируется точка (подсистема), параметры которой (резко) отличаются от параметров большинства точек (подсистем), хотя некоторое соприкосновение этой точки с остальными все же имеет место. Случай (б) интерпретируется как элиминация свойства эргодичности: внутри системы регистрируются точки, которые полностью (по всем параметрам) отличаются от остальных. Они образуют систему, независимую от основной.

Как представляется, этнос как система также обладает свойством эргодичности, поэтому и развивается по законам последней. Эти динамические изменения касаются всего «семиотического поля» этноса, в том числе и, возможно, в первую очередь, специфичности его коммуникативного поведения. В нашем случае речь должна идти об эргодичности поло-ролевого или гендерно обусловленного коммуникативного поведения – *этногендера*. Предлагаемая научной общественности статья имеет своей цели подойти к обоснованию этой категории с логико-лингвистических позиций и обозначить вехи дальнейшего изучения этого феномена с позиций лингвокультурологии и дискурсологии.

Как известно, в задачи современной гендерологии сегодня входит целый спектр системных исследований языкового и коммуникативного (дискурсивного) материала. Сегодня осуществляется систематическое

описание коммуникативного поведения национальных лингвокультурных общностей; гендерной специфики общения профессиональных и возрастных групп; особенностей коммуникативного поведения разнополых агентов и клиентов различных типов дискурса; коммуникативных стратегий мужчин и женщин в сети Интернет; гендерной специфики бытового дискурса белых представителей среднего класса; гендерных маркеров коммуникативного поведения политиков; вербального поведения мужчин и женщин в неофициальной коммуникативной ситуации; гендерной специфики поэтического текста; гендерно ориентированной вербализации эмоций в художественной прозе; коммуникативной интеракции мужчин и женщин в семье; гендерной специфики массово-информационного дискурса в рамках анализа гендерных стереотипов; вербализации отношения журналистов к женской теме, к ролям женщин и мужчин в современном российском обществе; специфики дискурсо-развертывания журналистов-мужчин и женщин в информационных текстах с гендерно нейтральной тематикой.

В то же время, проблема гендера пока не увязывалась с этноспецифическими особенностями говорящего социума и системно никем из ученых не рассматривалась. Кроме того, этногендерные маркеры коммуникативного поведения лиц разного пола и принадлежности к разным этническим группам никем не изучались ни в отечественной гендерологии, ни в зарубежной коммуникативистике, связанной с гендерными отношениями в политической среде.

«Понятие «этногендер» обозначает этническую специфичность социокультурного проявления пола, его «региональную» детерминированность. На самом деле, универсальное понятие «гендер» соткано из множества конкретизированных этнокультурных воплощений, обусловленных национальными традициями, историческими условиями, этико-эстетическими предписаниями определенно-

го народа. Знак равенства никак невозможно поставить между гендерными картинками мира, к примеру, итальянки, американки и чеченки. В этих условиях, на наш взгляд, актуальным и более продуктивным представляется изучение не общего «знаменателя» гендера, а множества его модификационных «числителей», то есть этнокультурно преломленных вариантов в разных национальных мирах» [6, с. 3–4].

Известная российская исследовательница-гендеролог, автор многочисленных работ по «истории женщин» Н. Л. Пушкарева выделяет четыре основных этапа развития этногендерных исследований. Первый (ранний или феминистический, 1970-е гг.) этап отмечен тем, что фактор различия полов введен в традиционный социальный, в том числе социально-стратификационный анализ. В этот период социальному знанию – истории, философии, литературоведению, психологии – были возвращены женские имена; созданы предпосылки для перехода от анализа больших структур и социальных общностей к антропологически-ориентированным социальным наукам, интересующимся жизнью отдельных людей; поставлен вопрос о разных научных стилях написания исследований мужчиной и женщиной; введено гендерное измерение в социально-экономическую историю; обоснована историчность двух взаимодополняющих социальных сфер – публичной – «мужской» и частной – «женской» и равную значимость частной сферы для функционирования общества и т. д.

Признание «женских исследований», возникновение «мужских» (андрологии) в 1980-е гг. – вторая стадия развития гендерных исследований. На этом этапе становится ясно, что простого «добавления» женских имен, механического включения в исследования данных о женщинах недостаточно для того, чтобы изменить представления о роли женщин в целом, убедить в различности социального опыта представителей разных полов. Приверженцы «мужских исследований»

увидели общность своих целей с феминистками. «Женские» и «мужские» исследователи добились в гендерных исследованиях роста значимости качественных методов в социологии, этнологии; поставили как особую научную проблему исследование тела и телесности социальными науками в ее гендерном аспекте; сумели придать гендерный ракурс биографическому и автобиографическому методам, обратив внимание на несходство мужской и женской индивидуальной и коллективной памяти, особенностей фиксации и осмысления увиденного.

Третья стадия (1990-е гг.) отмечена расширением содержания гендерных исследований, включивших проблемы маскулинности и сексуальности. От анализа патриархата и свойственной ему политики подавления и дискриминации гендерологи перешли к анализу гендерных систем – выявлению и анализу разных аспектов социальной и культуры в их гендерном измерении. Концепция гендера в этот период своего развития перестала связывать его исключительно с женским опытом. Под гендером стала пониматься система отношений, которая является основой стратификации общества по признаку пола.

Четвертая стадия развития гендерных исследований – эпоха глобализации (конец 1990-х гг. – первое десятилетие XXI века). Гендерологи этой эпохи используют гендерный подход к анализу социальных явлений для того, чтобы исследовать все виды социальных практик женских сообществ; позиционировать женщин как «ключевых информаторов»; преодолеть андроцентризм, категорический отказ от «смешения» мужских и женских нарративов при реконструкции жизни отдельных этносов; отдельно документировать мужские и женские жизни и практики при анализе образа жизни любого этноса; обучить «изучаемые объекты» методам анализа их собственных жизней, формулированию целей и жизненных задач, связанных с устранением неполноправия;

проявляют внимание к гендерным различиям, отдельному изложению жизненных практик мужчин и женщин и др. [17, с. 435].

К выделенным Н.Л. Пушкаревой стадиям мы бы добавили стадию пятую, характеризующуюся пристальным вниманием исследователей ко «второй реальности», т. е. к художественному тексту, воспринимаемому как источник этногендерных знаний. При отсутствии пока больших обобщающих работ на данном этапе появляется много аналитических статей, где на конкретном материале решаются конкретные вопросы, связанные с гендерной экспертизой фольклорных и литературных текстов, определением онтологического и гендерного статуса персонажей произведения, выявлением особенностей гендерной поэтики того или иного автора.

Авторы учебно-методической разработки для вузов по основным проблемам этнологии пишут об актуальности этногендерных исследований и их значении в понимании природы политического поведения и власти, социального поведения людей [8, с. 6].

Сфера этногендера ранее исследовалась исключительно в социокультурном аспекте: так, З.Ю. Тугуз анализирует этногендерные аспекты семейно-брачных, личностных и хозяйственных отношений титульного населения Республики Адыгея. Автор описывает выявленные в ходе социологического исследования особенности гендерной иерархии в семье, гендерное разделение домашнего труда, проявление этнических традиций и этикетных норм в процессе формирования семьи и межличностного взаимодействия. З.Ю. Тугуз отмечает, что «...теоретическая и практическая востребованность анализа этнокультурных особенностей гендерных отношений объясняется тем, что в качестве критериев модернизационного процесса, ожидаемых векторов социальной трансформации общества выделяются преобразования в экономической и социально-политической сферах» [20, с. 3].

Р.А. Ханаху, изучая гендерно маркированное коммуникативное поведение северокавказских сообществ, этногендерные отношения также ассоциирует с важнейшим агентом воспроизводства традиционных культур этого региона – с семьей, в рамках которой осуществляются два вида гендерно ориентированной социализации – современная, снимающая доминирование маскулинного начала, и традиционная, по-прежнему предполагающая подчиненное положение начала феминного [22].

В некоторых работах (например, в [13]) этногендер как социальная категория исследуется с точки зрения стереотипизации представлений об этносоциумах в воззрениях их типичных представителей как у мужчин, так и у женщин. Ряд исследований этногендера направлен на осмысление этого феномена в культуре и технике как институциональных сферах деятельности человека. В работах по социологии этногендер изучается, в том числе, и как специфика самосознания среди русской молодежи [12].

Ирина Жеребкина, главный редактор журнала «Гендерные исследования», при Интернет-обсуждении темы «Проблемы и перспективы развития гендерных исследований в бывшем СССР» со своими коллегами историком Натальей Пушкаревой, сексологом Игорем Коном и журналистом Анной Темкиной (см. электронный ресурс: <http://www.kcgs.org.ua/RUSSIAN/qaz.html>) отмечает явную неисследованность этногендерных проблем, приводя в пример ситуацию с изучением русской гендерной идентичности. Она свидетельствует: «Как этнограф я не могу не быть обеспокоена отсутствием исследований по теме «Гендер и русская национальная идентичность», хотя в Институте этнологии и антропологии РАН, в котором я работаю, есть целый Сектор этногендерных исследований. Своеобразие российской гендерной системы (патриархатной, с сильной материнской властью, с несостоявшейся мужественностью и прочим, и прочим)

не рассматривается в связи с конструированием/деконструкцией русской национальной идентичности. А ведь тема лежит на поверхности, будучи слегка затронутой современными российскими философами (О. В. Рябов) и давно облюбованной для спекуляций зарубежными интерпретаторами нашего социального и индивидуального опыта. Сотрудники Сектора этногендерных исследований, как один, занимаются проблемами не традиционной этнологии, а этносоциологии, то есть исторический аспект вышеставленной темы не разрабатывается абсолютно».

Этногендер исследуется в рамках дидактики истории: так, дисциплина «Гендерные исследования в этнологии и социальной антропологии», занимающая особое место в подготовке магистров-историков Тверского государственного университета, нацелена на формирование профессиональной компетентности будущих магистров истории в сфере гендерной экспертизы социально-исторических явлений в области истории этнокультурных и межконфессиональных отношений [21]. В рамках дисциплины осуществляются дидактические действия по ознакомлению магистрантов со следующими концепциями этногендера:

- гендерная теория и методология в области исторической этнологии и социальной антропологии;

- проблемы зарождения гендерной концепции в этнологии и социальной антропологии;

- изучение структуралистского проекта в этнологии и социальной антропологии, возникновения феминистской этнологии и ее основных принципов, методов феминистского этнологического исследования, постструктуралистских инноваций в феминистской этнологии и социальной антропологии и их рецепциям историками;

- проблемы господства универсалистского подхода в науках о народах – общий взгляд на женщин в разных этносах как на «экзотику», «жертв», «аномалии»;

- проблемы «мужского перекося» в этнологии (модели описания народов и их взаимоотношений через описание доминирующих социальных групп, т. е. мужчин, в качестве основных и главных);

- развитие феминистского проекта в этнологии и антропологии и его влияние на исторические науки;

- концепция соотношения «природного» и «культурного» (исследование причин близости женщины к природе; функции женского тела как «более природные»; социальные позиции, которые продолжают эти функции; социальные роли, которые порождаются этими позициями; опасности наложения западных культурных координат на общества другого типа и релятивизация доселе существовавших оценок антропологов; цивилизационная миссия как миссия «окультуривания» и ее связь с экспансионизмом и осуждением «менее развитых» и «диких» этносов; концепты экофеминизма, т. е. потребительское отношение к природе и притеснение женщин в культуре – как следствие развития феминистского проекта);

- концепция гендерной стратификации (женская домашняя работа и концепция «разделенных сфер»; теория гендерной стратификации и амбивалентность понятия социального прогресса, т. е. «чем совершеннее орудия труда, чем быстрее «прогресс», тем очевиднее ухудшение социального статуса женщин»; связь между гендерной стратификацией и поддержанием баланса как «патриархатного порядка» в обществе;

- исследование **основных принципов феминистской этнологии** (преодоление андроцентризма, категорический отказ от «смешения» мужских и женских нарративов при реконструкции жизни отдельных этносов; неформальное внимание к гендерным различиям, раздельное изложение жизненных практик мужчин и женщин; документирование женских жизней и практик при анализе образа жизни любого этноса, позиционирование женщин как «ключевых информато-

ров»; специальное исследование всех видов социальных практик женских сообществ; особое внимание фиксации женского опыта, совмещенного с попытками понять его с точки зрения самих носительниц, их жизненной перспективы; концептуализация женского поведения как влияния разных социальных и исторических контекстов; умение прислушиваться к собственным эмоциональным реакциям, сопоставлять свой жизненный опыт с опытом информатора, проблема «доверия» своим эмоциям, а не элиминации их; фиксация аспектов, которые не всегда ставятся или вовсе не ставятся мужчинами-исследователями – роль дочери в семье, практики женской повседневности в гигиене и лечении женских болезней и т. п.; личная ангажированность, вовлеченность исследователя в женское движение, согласие с феминистской перспективой;

– изучение попыток слома самовоспроизводящейся системы «язык / власть» через усиленное внимание к ранее «молчаливым» акторам повседневной жизни этносов – от исследований женских миров – к изучению всех скрытых от глаз общества сфер жизни индивидов, их «опытов» и «практик»;

– исследование влияния феминистского постструктурализма: переход от стремления достичь «объективного знания» к признанию значимости личного опыта исследователей для анализа тех или иных форм и практик жизни информаторов, к умению исследователей говорить «от имени самих себя», с позиций своего опыта и жизненного участия, которые не являются гендерно-нейтральными; «личное – это политическое»;

– сопоставление информации об одном и том же явлении, сообщенной мужскими и женскими информаторами, и реконструкция «мужского» и «женского» дискурсов;

– интерес к проблеме механизмов воспроизводства власти (в том числе через невербальные практики) и гендерной асимметрии в обладании ею;

– изучение культур разных этносов как исторически обусловленных «способов жизни», без попыток выделить «наиболее типичский», «самый характерный» и выстроить иерархии; от исследований «общественного сознания» – к изучению «социального бессознательного» [21].

С. В. Латина, исследуя взаимосвязь между культурой, этногендером и властью, утверждает: «В современной науке этногендерный подход к анализу социальных и культурных явлений и процессов используется очень широко. При проведении этногендерных исследований чаще всего рассматриваются роли, нормы, ценности, черты характера, которые этносоциум предписывает женщинам и мужчинам через системы социализации, разделения труда, культурные ценности и символы для того, чтобы охарактеризовать традиционную гендерную асимметрию и иерархию власти. Понятие о том, что этногендер включает социокультурное разделение между мужчинами и женщинами, устоялось в различных этнокультурных практиках, которые, войдя в повседневную жизнь, укрепляют мнение о естественности главенствующего положения мужчины в этнокультуре и этносоциуме. Использование этногендерного подхода применительно к исследованию культуры помогает обнаружению и анализу иерархического разделения между мужчинами и женщинами, прочно вошедшего в современную жизнь и укоренившегося в институтах различных этносоциумов. Применение этногендерного подхода в науках о культуре (культурологии, антропологии, истории и др.) также позволяет изучить установки, стереотипы, формы дискриминации, предрассудки, социальное восприятие, связанные с понятиями мужского (маскулинного) и женского (феминного)» [11, с. 1134].

В. И. Шаховский, основатель лингвистической дисциплины «эмотиология», предложил исследовать роль эмоций в формировании гендерных различий в сопоставительном аспекте – через изучение этнических особен-

ностей носителей лингвокультур. Его ученице Е. В. Сурковой удалось выявить качественную и количественную разницу гендерных различий при описании эмоционального состояния персонажа с учетом принадлежности автора к немецкой или русской лингвокультуре [19]. Автор подтвердил следующие гипотезы: 1. Авторская репрезентация эмоций культурно обусловлена и гендерно маркирована. 2. Коммуникативное поведение персонажей, в том числе и эмоциональное, определяется лингвокультурной и гендерной принадлежностью автора. 3. Авторское описание невербального коммуникативного поведения мужчин и женщин отражает существующие гендерные стереотипы и репродуцирует их в той или иной лингвокультуре [19, с. 6]. Таким образом, впервые в лингвистике был поставлен вопрос об эмоциональном характере категории «этногендер».

Н. В. Буренина, характеризуя состояние лингвистических исследований в сфере гендерологии, среди прочих трендов отмечает аксиоматическую необходимость в изучении этногендера; исследователь пишет: «Основной методологического подхода являются положения, которые многие ученые принимают в настоящее время как аксиомы: 1) гендер является социокультурным конструктом; 2) изучение гендерной специфики речевой коммуникации должно включать в себя учет таких параметров коммуникативной ситуации, как социальный статус коммуникантов, стиль общения (формальный/неформальный), степень социальной солидарности общающихся, функциональная направленность коммуникации; 3) изучение гендера невозможно без учета этнокультурных традиций» (курсив наш. – А. О.) [3, с. 61].

Исследование этногендера включено в кросскультурные, лингвокультурологические исследования, в теорию гендерных субкультур (Debra Tannen, Penelope Brown, Susanne Günthner, Helga Kotthoff, Luise F. Pusch, Ruth Wodak, H. Giles, R. Bourhis, D. Taylor, V. Norton и др.).

На важность изучения эмотивных флуктуаций языка и дискурса в контексте этногендера обращали внимание Жан Курто (Jean Courteau), Саймон Грин (Simon Greene) и Эванс Элдридж (Evans Eldredge). Как пишет Стивен Макони, лингвокультуролог из Университета штата Пенсильвания, характеризуя достижения этих лингвистов, «...they foreground the importance not only of studying ethnicity and language historically, but of stressing the intersection between language, ethnicity, and gender relationships, which become clearer when studied over the longue dure.e. Epistemologically, studying the intersection between ethnicity and gender and language is an important departure, because gender and ethnicity have tended to be treated as separate fields in Western linguistics. It is doubtful whether the separation is a viable way of proceeding when studying ethnicity in colonial and post-colonial contexts» [40, с. 239]. Ученый добавляет к сказанному следующее важное замечание по поводу необходимости совместного исследования этничности и гендера: «It might also be necessary to conflate distinctions between ethnicity and gender rather than studying them as separate areas, as has traditionally been the case» [40, с. 239].

Иан Кешке, исследователь из Университета Нью-Йорк в Олбани, отрицательно характеризуя теорию соответствий в описании коммуникативных процессов, все же отмечает, что, отбросив чистый психологизм этой теории, следовало бы обратить внимание на социальный аспект взаимосвязи языка, этноса и гендера [35, с. 690].

Значительное количество исследований этногендера располагается в поле лингводидактики: ученые изучают особенности актуализации этой категории при обучении второму иностранному языку ([29]; [40]; [32]; [46]; [41]; [42]; [43]).

Этногендер оказывается в центре внимания лингвопрагматики, при этом акцент делается на интерпретативных особенностях медиа-текстов с точки зрения смыс-

лообразования в его зависимости от этногендерных особенностей менталитета и продуцируемой речи. Этот процесс, отмечается шведским лингвистом Карлом Клаусом Шрёдером: «People also belong to interpretive communities (constituted by such factors as class, ethnicity, gender, age, profession, location, etc.) in which meanings are shared to a large extent. Therefore, a purely textual analysis of a media text can still be justified, as long as the analytical findings are offered cautiously as potential meanings, or made on behalf of a specific interpretive community whose sign universe makes these meanings plausible» [46].

Этногендер изучается с точки зрения инноваций в языке и дискурсе, происходящих в лингвокультурной среде суб- и контр сообществ, при этом обращается внимание на наличие определенных смысловых признаков этногендера как явления в языке представителей суб- и контркультур. Кеннет Катлер (университет Стоуни Брук, штат Нью-Йорк) в этой связи фиксирует наличие этногендерных признаков, которые У. Лабов называл социальными маркерами: «The increasingly broad scope of what counts as a subculture has led some researchers to question its utility and to call for a reconceptualization or replacement of the term The breakdown of identities rooted in class, ethnicity, gender, and locality has led to the emergence of more fleeting, temporal 'tribal' identities (подчеркнуто нами. – А.О.). Contemporary style-based youth cultures lack the forms of organization, cohesiveness, and stability of subcultures and should more accurately be called 'neo-tribes.' Setting aside theoretical debates about the continued efficacy of the term, we can identify several general categories of people who are labeled with it: those who are oriented to a set of shared ethnic practices (e. g., Italian Americans), those who are oriented to a set of beliefs or values rooted in religious beliefs (e. g., Janists, Sunni Muslims), those whose members share a number of regional cultural practices (e. g., Bavarians

in Germany), and those who are defined largely in terms of fashion, music, and lifestyle consumption patterns (e. g., Goths, video gamers, ravers, straight edge). Subcultures (and countercultures) often have distinctive language patterns. The way people talk expresses an affiliation with a certain group and set of social practices, and a simultaneous rejection of others. *Speech markers (speech features that carry social significance) are one of the ways that members of a subculture can signal their affiliation with the group* (курсив наш. – А.О.). Speech markers may include an argot or a set of words and expressions unique to the group. Surfers have special terms like 'dropping in' to describe the act of stealing someone else's wave. Heroin addicts refer their drugs as 'shit' or 'junk'. In other cases, the language marking a subculture may also include phonological, morphosyntactic, prosodic, and paralinguistic patterns. Aside from a whole set of hip-hop terms, some hip-hoppers use grammatical forms that originate in African-American English, such as the zero copula (e. g., You ___ the man). Immigrant subcultures have speech patterns that reflect their native language heritage as well as different patterns of social interaction. The r-less pronunciation of 'car' and 'cart' in New York City is indicative of lower-class speech» [29, с. 238].

Такие маркеры социального типа еще в конце XX столетия были описаны известным британским лингвистом Уильямом Лабов [38]. Нам представляется, что кроме социально ориентированных знаков речь непременно фиксирует знаки этногендерного свойства. В следующей серии статей предполагается обсуждение этих единиц, которым мы присвоили терминозначение *этногендерных маркеров*. Этногендерно маркирована также коммуникация в сети Интернет: особенности этнически и гендерно обусловленной интеракции пользователей сети подробно рассматриваются в работах Е.И. Горошко [4], И. Гофмана [5], А.В. Кириловой [10] и американского лингвиста К. Бассета [25].

В начале третьего тысячелетия роль этногендера лингвисты начали рассматривать применительно к политической коммуникации, поскольку именно в этой среде стали обнаруживаться этногендерные различия, часто парадоксального характера. Вот как об этом пишет К. Крамш, профессор-лингвист из университета Беркли (Калифорния): «The paradox is that once a person has been stripped of her national culture and been made into a free-standing, rational, autonomous agent, the burden is on her to maintain her integrity and free will against the enormous pressure to conform to the will of the marketing industry and the demands of the national political majority. In the United States, the nationalistic discourse of ‘freedom,’ ‘democracy,’ and ‘homeland security’ is equally constraining. Membership in a cultural group seems to be the only safeguard left against the domination of the market and the tyranny of the majority. Hence the growing demands for political recognition of individuals who define themselves not as free-standing individuals, but as members of cultural groups characterized by race, ethnicity, gender, occupation, sexual preferences, regional affiliation, etc.» (подчеркнуто нами. – А.О.) [37, с. 238].

В этой цитате показательно местоимение *her*, поскольку выше речь идет о Хилари Клинтон, которая будучи госсекретарем США, пыталась сбалансировать этнические и гендерные отношения в стране и в своем офисе.

На связь этногендера и политической коммуникации указывает также испанский лингвист из университета Мадрида Луис Мартин Рохо, при этом исследователь отмечает, что женщины этнических корней практически стопроцентно подвергаются давлению мужчин в дискурсивных практиках и не допускаются к институтам власти из-за маскулинного доминирования во властных структурах: «The very lack of women in government and parliaments explains in part the lack of research done on gender and political

discourse, conclusive figures from all continents around the world can be found. In fact, most countries that acknowledge the objective of promoting equality between women and men do not have parity governments, and only in a very few exceptional cases do women even comprise 40% of parliament. The fact that women’s social position is not as strong as men’s, despite progress made in certain areas of the world, has been linked to masculinist hegemony, which in turn is connected to social class and ethnic differences in different ways in different places. Masculinist hegemony is diffuse since it is embedded in impersonal discursive practices and institutional structures that are historically associated with men (подчеркнуто нами. – А.О.). Indeed, when statistics are broken down by gender in the areas of education, health, economic participation, or wages, women as a group are still at a disadvantage. The fact that women’s social position remains weak, although to varying degrees in different countries around the world, explains why women encounter resistance and difficulties in joining the political sphere and other prestigious areas of society such as business or academia» [45, с. 743].

В североамериканской политической среде изложенные этногендерные факты подтверждаются сугубой семиотикой «цифр»: так, в кабинете Барака Обамы присутствуют всего три женщины-министра, остальные – мужчины. Обратим также внимание на то, что в кабинете президента США всего один афро-американец – это сам президент; остальные же члены кабинета принадлежат белой расе (Caucasian).

На необходимость комплексного изучения лингвистики этногендерных отношений в аспекте их взаимосвязи с социальными феноменами (идеологией, политикой) еще в 1972 г. указывали основатели прагматической теории коммуникации и социолингвистики Джон Гумперц и Делл Хаймс [32]. Характеризуя исследования в области антропологии и прагматики рубежа двух тысячелетий, Уильям Кояма

делает акцент именно на этногендерный тренд этих работ, состоявшихся в русле идей Джона Гумперца и Делла Хаймса: «John Gumperz and Dell Hymes's theory of communication, called the 'ethnography of speaking,' gained momentum in the 1970s, a decade that saw the hermeneutic (i. e., interpretive, contextual, or (neo-) pragmatic) turn in the social sciences. This turn provided the historic conditions for a revival of the Boasian tradition in contemporary North American linguistic anthropology, *locating language squarely at the intersection of history, ideology, and practice. Here, the historic, ideological, and pragmatic aspects of language, including not only grammar, but also (con) textualization, language change and variation, standardization, rationalization, modernization, linguistic nationalism and imperialism, language purism, feminism and gender, literalism, and other cultural ideologies and practices, seen in their sociohistoric context, are cosmographically studied in a social-scientific framework* (курсив наш. – А.О.). Their discovery of the (re) formations of group identities and power relations and sociocultural conflicts as happening in, and being constituted by, language as the central element thus converges with the social drift of contemporary critical pragmatics» [36, с. 311].

На способность гендерных отношений модифицировать и дифференцировать коммуникативные способности политизированных этносов обращает внимание Дж. Дж. Корбетт. Исследователь отмечает следующее: «*Gender is a feature of special interest because it provides a dramatic demonstration of just how different languages in ethnic-based political practices can be* (курсив наш. – А.О.). For many of the Indo-European languages it is an important feature that is realized in a high proportion of politically burdened utterances» [26, с. 749].

Жан-Жак Корбетт, однофамилец предыдущего упомянутого ученого, в своей статье из «Энциклопедии лингвистики» [31] «Жанр и жанровый анализ» («Genre and Genre

Analysis») вводит понятие дискурсивного политизированного сообщества, дает его характеристики и отмечает, что его члены могут быть далеко отдалены друг от друга по принадлежности к разным социальным классам, убеждениям и этногендерному признаку: «In a discourse politicized community, *the members may be dispersed widely and of different social classes, genders, and ethnicities* (курсив наш. – А.О.), but they are linked by a common set of communicative purposes. Discourse politicized communities have six identifying characteristics: 1. A discourse politicized community has a broadly agreed set of common public goals. 2. A discourse politicized community has mechanisms of intercommunication among its members. 3. A discourse politicized community uses its participatory mechanisms primarily to provide information and feedback. 4. A discourse politicized community uses and hence possesses one or more genres in the communicative furtherance of its aims. 5. In addition to owning genres, a discourse politicized community has acquired some specific lexis. 6. A discourse politicized community has a threshold level of members with a suitable degree of relevant content and discursal expertise» [27, с. 27].

Дж.И. Джозеф, рассуждая о взаимосвязях этногендерной идентичности и языка, обращает внимание на яркость проявления этногендерных различий в англоязычной политической коммуникации, ссылаясь при этом на исследование Робин Лакофф, профессора лингвистики из Университета Беркли (штат Калифорния): «In the meantime, one particular identity focus – gender – led the way in directing attention to the reading of identity in language. Lakoff (1973) argued that, in both structure and use, languages mark an inferior social role for women and bind them to it. Gender politics is incorporated directly into the pronoun systems of English and many other languages, through the use of the masculine as the 'unmarked' gender (as in 'Everyone take his seat'). Lakoff points to features that occur more frequently

in women's than in men's English, such as tag questions, hedges, intensifiers, and pause markers, which as marks of insecurity and of the role women are expected to occupy are fundamental to maintaining the status quo in gender politics. As the notion of separate men's and women's language was accepted, the more general notion of the language–identity link was let in through the back door, leaving the way open for the study of group identities of all sorts beyond those national and ethnic ones traditionally associated with language difference. This was a challenge to a sociolinguistics that had been fixated on class differences» [34, с. 488].

Обратим внимание на упомянутое исследование Р. Лакоффа, представленное в изложении автора сетевой энциклопедии «Википедия»: «Lakoff proposes that women's speech can be distinguished from that of men in a number of ways (part of gender deficient model), including: Hedges: Phrases like «sort of», «kind of», «it seems like»; Empty adjectives: «divine», «adorable», «gorgeous»; Super-polite forms: «Would you mind...» «... if it's not too much to ask» «Is it o.k if...?»; Apologize more: «I'm sorry, but I think that...»; Speak less frequently; Avoid coarse language or expletives; Tag questions: «You don't mind eating this, do you?»; Hyper-correct grammar and pronunciation: Use of prestige grammar and clear articulation; Indirect requests: «Wow, I'm so thirsty.» – really asking for a drink; Speak in italics: Use tone to emphasis certain words, e.g., «so», «very», «quite»» (www.wikipedia.org).

Подводя итоги предлагаемой обзорной статьи, отметим следующее.

Проблема гендера с совершенной очевидностью должна увязываться с этноспецифическими особенностями говорящего социума. Кроме того, этно-гендерные маркеры коммуникативного поведения людей разного пола и принадлежности к разным этническим группам никем не рассматривались, что, таким образом, определяет актуальность проблемы этногендера. Актуальным также представляется изучение гендерной

специфики языковой реализации текстов, продуцируемых коммуникантами разных сфер, например – политической; актуально также проведение анализа влияния этнических факторов и гендерных признаков на речемыслительную деятельность и дискурсоразвертывание в целом.

В качестве рабочей гипотезы для дальнейших исследований этногендера предлагается проверка следующего тезиса: этно-гендерная маркированность коммуникативного поведения проявляется, во-первых, в семиотических различиях невербального публичного общения; во-вторых, – в наличии специфики дискурсоразвертывания на всех языковых уровнях; в-третьих, – в разной степени дискурсивной эмоциогенности и экспрессивности.

1. Арапов М.В. Квантитативная лингвистика. – М.: Наука, 1988. – 185 с.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
3. Буренина Н.В. Гендерные стереотипы речевой коммуникации: результаты интервью в Кентербери (Великобритания) / Н.В. Буренина // Доклады Второй международной конференции «Гендер: Язык, Культура, Коммуникация», Москва, 22–23 ноября 2001. – М., 2002. – С. 61–65.
4. Горошко Е.И. Языковое сознание: гендерная парадигма / Е.И. Горошко. – М. – Харьков, 2003. – 440 с.
5. Гофман И. Гендерный дисплей // Введение в гендерные исследования. Часть II., Харьков, СПб, 2001.
6. Гулиева З.Х. Поэзия Танзили Зумакуловой: этно-гендерный аспект. – Дисс. канд. филол. наук. – Специальность 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации (литература народов Северного Кавказа). – Нальчик, 2015. – 182 с.
7. Гумилев Л.Н. О термине этнос. Этнос как явление // Докл. отделений и комиссий ГО СССР. Л., 1967. Вып. 3. С. 13–17, 90–107.
8. Дынин В.И., Винников А.З. Основные проблемы современной этнологии: учебно-методическая разработка для вузов. – Воронеж: Изд-во ВГУ, 2013. – 98 с.
9. Звегинцев В.А. О научном наследии Вильгельма фон Гумбольдта: см. Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984. – С. 356–363.
10. Кирилина А.В. Гендер: лингвистические аспекты: монография. – М., 1999.
11. Латина С.В. К вопросу об инкорпорировании гендерных исследований в науки о культуре // Молодой ученый. – 2014. – № 4. – С. 1153–1156.
12. Латина С.В. Гендерные исследования в науках о культуре: дисс. канд. культурологии. – Специальность 24.00.01 – Теория и история культуры. – Латина Светлана Викторовна. – Комсомольск-на-Амуре, 2011. – 196 с.

13. Лескинен М.В. «Прекрасная полька» в русском воплощении: эволюция этногендерных стереотипов в образах и нарративах второй половины XIX в. // Россия – Польша: два аспекта европейской культуры. Царское село, 2012. С. 334–346.
14. Математическая энциклопедия. – Т. 5: Слу – Я. – М.: Советская энциклопедия, 1985.
15. Общее языкознание. Внутренняя структура языка. – М.: Наука, 1972. – 565 с.
16. Потебня А.А. Мысль и язык. – Харьков, 1892. – 340 с.
17. Пушкарёва Н. Гендерная теория и историческое знание. – СПб., 2007.
18. Рамишвили Г.В. Вильгельм фон Гумбольдт – основоположник теоретического языкознания. – В кн.: В. фон Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. М., 1984.
19. Суркова Е.В. Гендерные особенности авторской репрезентации эмоций персонажей (на материале современной массовой литературы России и Германии). – Дисс. канд. филол. наук. – Специальность 10.02.20 – Сравнительно-историческое, типологическое, сопоставительное языкознание. – Волгоград, 2005. – 191 с.
20. Тугуз З.Ю. Этнокультурные особенности гендерных отношений в республике Адыгея. – Автореф. дисс. канд. социол. наук. – Специальность 22.00.06 – Социология культуры. – Майкоп, 2012. – 25 с.
21. Учебно-методический комплекс по дисциплине «Гендерные исследования в этнологии и социальной антропологии». – 030600.68 «История»; специализированная программа «История этнокультурных и межконфессиональных отношений». – Составитель: Белова А.В. – Тверь, 2014. – 13 с.
22. Ханаху Р.А. Традиционная культура Северного Кавказа: вызовы времени (социально-философский анализ). Ростов н/Д., 2001. 119 с.
23. Шевченко Ю.Ю. Теория этничности или феномен Л.Н. Гумилева [Электронный ресурс]. – URL: <http://levgumilev.spbu.ru/node/128> (дата обращения: 05.04.2015).
24. Щенникова Н.В. Специфика английской речи носителей русского языка: когнитивный аспект. – Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2. С. 106–116.
25. Bassett C. Virtually gendered: life in an on-line world. – In Gelder K & Thornton S (eds.), 1995. P. 537–550.
26. Corbett G.G. Gender, Grammatical. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 749–756.
27. Corbett J.J. Genre and Genre Analysis. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 26–32.
28. Courteau J. 'Language and ethnicity: the case of Rosalia de Castro.' In Dow J R (ed.) Language and ethnicity. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 83–94.
29. Cutler C. Subcultures and Countercultures. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 326.
30. Ehrlich S. Gender as social practice: Implications for second language acquisition. Studies in Second Language Acquisition 19, 1997. P. 421–446.
31. Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006.
32. Gumperz J.J., Hymes D. Directions in sociolinguistics. – Oxford: Basil Blackwell, 1972. – 450 p.
33. Ibrahim A. Becoming black: Rap and hip-hop, race, gender, identity, and the politics of ESL learning. TESOL Quarterly 33 (3), 1999. – P. 349–391.
34. Joseph J.E. Identity and Language. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 486–492.
35. Kecskes I. Communicative Principle and Communication. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 239, 690.
36. Koyama W. Anthropology and Pragmatics. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 304–311.
37. Kramersch C. Culture in Language Teaching – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 238.
38. Labov W. Sociolinguistic patterns. – Philadelphia: Hurst Publications, 1972.
39. Lakoff R. 'Language and woman's place.' Language in Society 2, 1973. – P. 45–80. (Repr. as Language and woman's place, New York: Harper & Row, 1975).
40. Makoni S. Ethnicity. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 239.
41. Morgan B. 'Identity and intonation: Linking dynamic processes in an ESL classroom.' TESOL Quarterly 31 (3), 1997. – P. 431–450.
42. Norton B. Identity and language learning: gender, ethnicity and educational change. London: Longman, 2000.
43. Norton B., Pavlenko A. Gender and English language learners. Alexandria, VA: Teachers of English to Speakers of Other Languages, 2004.
44. Pavlenko A. 'Gender and sexuality in foreign and second language education: Critical and feminist approaches.' In Norton B & Toohey K (eds.), 2004. – P. 53–71.
45. Rojo Martin L. Gender and Political Discourse. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 743–790.
46. Schröder K.C. Audience semiotics, interpretive communities and the "ethnographic turn" in media research. – Media, Culture & Society 16, 1994, P. 337–347.
47. Taylor L. 'Creating a community of difference: understanding gender and race in a high school antidiscrimination camp.' In Norton B & Pavlenko A (eds.), 2004. – P. 95–109.
1. Arapov M.V. Kvantitativnaya lingvistika. – М.: Nauka, 1988.– 185 s.
2. Bromlej Yu. V. Oчерки teorii e'tnosa. М., 1983.
3. Burenina N.V. Gendernye stereotipy rechevoj kommunikacii: rezul'taty interv'yu v Kenterberi (Velikobritaniya) / N.V. Burenina // Doklady Vtoroj mezhdunarodnoj konferencii «Gender: Yazyk, Kul'tura, Kommunikaciya», Moskva, 22–23 noyabrya 2001. – М., 2002. – S. 61–65.
4. Goroshko E.I. Yazykovoe soznanie: gendernaya paradigma / E.I. Goroshko. – М. – Xar'kov, 2003. – 440 s.
5. Gofman I. Gendernyj displej // Vvedenie v gendernye issledovaniya. Chast' II., Xar'kov, SPb, 2001.
6. Gulieva Z.X. Poe'ziya Tanzili Zumakulovoj: e'tnogenjernyj aspekt. – Diss. kand. filol. nauk. – Special'nost' 10.01.02 – Literatura narodov Rossijskoj Federacii (literatura narodov Severnogo Kavkaza). – Nal'chik, 2015. – 182 s.

7. Gumilev L.N. O termine e'tnos. E'tnos kak yavlenie // Dokl. otdelenij i komissij GO SSSR. L., 1967. Vyp. 3. S. 13–17, 90–107.
8. Dynin V.I., Vinnikov A.Z. Osnovnye problemy sovremennoj e'tnologii: uchebno-metodicheskaya razrabotka dlya vuzov. – Voronezh: Izd-vo VGU, 2013. – 98 s.
9. Zvegincev V.A. O nauchnom nasledii Vil'gel'ma fon Gumbol'dta: sm. Gumbol'dt V. Izbrannye trudy po yazykoznaniju. – M., 1984. – S. 356–363.
10. Kirilina A.V. Gender: lingvisticheskie aspekty: monografiya. – M., 1999.
11. Latina S.V. K voprosu ob inkorporirovanii gendernyx issledovanij v nauki o kul'ture // Molodoj uchenyj. – 2014. – № 4. – S. 1153–1156.
12. Latina S.V. Gendernye issledovaniya v naukax o kul'ture: diss. kand. kul'turologii. – Special'nost' 24.00.01 – Teoriya i istoriya kul'tury. – Latina Svetlana Viktorovna. – Komsomol'sk-na-Amure, 2011. – 196 s.
13. Leskinen M.V. «Prekrasnaya pol'ka» v russkom voploshhenii: e'voljuciya e'tnogendernyx stereotipov v obrazax i narrativax vtoroj poloviny XIX v. // Rossiya – Pol'sha: dva aspekta evropejskoj kul'tury. Carskoe selo, 2012. S. 334–346.
14. Matematicheskaya e'nciklopediya. – T. 5: Slu – Ya. – M.: Sovetskaya e'nciklopediya, 1985.
15. Obshhee yazykoznanie. Vnutrennyaya struktura yazyka. – M.: Nauka, 1972. – 565 s.
16. Potebnaya A.A. Mysl' i yazyk. – Xar'kov, 1892. – 340 s.
17. Pushkaryova N. Gendernaya teoriya i istoricheskoe znanie. – SPb., 2007.
18. Ramishvili G.V. Vil'gel'm fon Gumbol'dt – osnovopolozhnik teoreticheskogo yazykoznanija. – V kn.: V. fon Gumbol'dt. Izbrannye trudy po yazykoznaniju. M., 1984.
19. Surkova E.V. Gendernye osobennosti avtorskoj reprezentacii e'mocij personazhej (na materiale sovremennoj massovoj literatury Rossii i Germanii). – Diss. kand. filol. nauk. – Special'nost' 10.02.20 – Sravnitel'no-istoricheskoe, tipologicheskoe, sopostavitel'noe yazykoznanie. – Volgograd, 2005. – 191 s.
20. Tuguz Z. Yu. E'tnokul'turnye osobennosti gendernyx otnoshenij v respublike Adygeya. – Avtoref. diss. kand. sociol. nauk. – Special'nost' 22.00.06 – Sociologiya kul'tury. – Majkop, 2012. – 25 s.
21. Uchebno-metodicheskij kompleks po discipline «Gendernye issledovaniya v e'tnologii i social'noj antropologii. – 030600.68 «Istoriya»; specializirovannaya programma «Istoriya e'tnokul'turnyx i mezkhkonnessional'nyx otnoshenij». – Sostavitel': Belova A.V. – Tver', 2014. – 13 s.
22. Xanaxu R.A. Tradicionnaya kul'tura Severnogo Kavkaza: vyzovy vremeni (social'no-filosofskij analiz). Rostov n/D., 2001. 119 s.
23. Shevchenko Yu. Yu. Teoriya e'tnichnosti ili fenomen L.N. Gumileva [E'lektronnyj resurs]. – URL: <http://levgumilev.spbu.ru/node/128> (data obrashheniya: 05.04.2015).
24. Shhennikova N.V. Specifika anglijskoj rechi nositelej russkogo yazyka: kognitivnyj aspekt. – Vestnik Baltijskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. 2014. Vyp. 2. S. 106–116.
25. Bassett C. Virtually gendered: life in an on-line world. – In Gelder K & Thornton S (eds.), 1995. P. 537–550.
26. Corbett G.G. Gender, Grammatical. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 749–756.
27. Corbett J.J. Genre and Genre Analysis. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 26–32.
28. Courteau J. 'Language and ethnicity: the case of Rosalia de Castro.' In Dow J R (ed.) Language and ethnicity. Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1991. P. 83–94.
29. Cutler C. Subcultures and Countercultures. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 326.
30. Ehrlich S. Gender as social practice: Implications for second language acquisition. Studies in Second Language Acquisition 19, 1997. P. 421–446.
31. Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006.
32. Gumperz J.J., Hymes D. Directions in sociolinguistics. – Oxford: Basil Blackwell, 1972. – 450 p.
33. Ibrahim A. Becoming black: Rap and hip-hop, race, gender, identity, and the politics of ESL learning. TESOL Quarterly 33 (3), 1999. – P. 349–391.
34. Joseph J.E. Identity and Language. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 486–492.
35. Kecse I. Communicative Principle and Communication. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 239, 690.
36. Koyama W. Anthropology and Pragmatics. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 304–311.
37. Kramsch C. Culture in Language Teaching – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 238.
38. Labov W. Sociolinguistic patterns. – Philadelphia: Hurst Publications, 1972.
39. Lakoff R. 'Language and woman's place.' Language in Society 2, 1973. – P. 45–80. (Repr. as Language and woman's place, New York: Harper & Row, 1975).
40. Makoni S. Ethnicity. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 239.
41. Morgan B. 'Identity and intonation: Linking dynamic processes in an ESL classroom.' TESOL Quarterly 31 (3), 1997. – P. 431–450.
42. Norton B. Identity and language learning: gender, ethnicity and educational change. London: Longman, 2000.
43. Norton B., Pavlenko A. Gender and English language learners. Alexandria, VA: Teachers of English to Speakers of Other Languages, 2004.
44. Pavlenko A. 'Gender and sexuality in foreign and second language education: Critical and feminist approaches.' In Norton B & Toohey K (eds.), 2004. – P. 53–71.
45. Rojo Martin L. Gender and Political Discourse. – In: Encyclopedia of Linguistics. – Elsevier Ltd., 2006. – P. 743–790.
46. Schröder K.C. Audience semiotics, interpretive communities and the "ethnographic turn" in media research. – Media, Culture & Society 16, 1994, P. 337–347.
47. Taylor L. 'Creating a community of difference: understanding gender and race in a high school antidiscrimination camp.' In Norton B & Pavlenko A (eds.), 2004. – P. 95–109.

UDC 81.32

FORMATION OF THE ETHNO-GENDER PHENOMENON FROM THE ETHNICITY THEORY POINT

Olyanich Andrey Vladimirovich,

Volgograd State Agricultural University,
Doctor of Philology, Professor,
Volgograd, Russia,
E-mail: aolyanitch@mail.ru

Annotation

The article considers various concepts of ethnogender marker of language and a discourse, interaction of language and ethnic forms of thinking. Linguistic directions of research of the gender factor are allocated, its dependence on an ethnic origin of the native speaker is investigated, the problems arising at contamination of ethnic and gender factors of communications are listed. To research of systematic order of gender-role or gender caused communicative behaviour of ethnogender the logic concept of ergodicity is applied. The author affirms, that the ethnos as a system possesses property of ergodicity, therefore develops under laws of last. These dynamic changes concern of all « semiotics field» of ethnos, including to specificity of its communicative behaviour.

Key words:

gender, discourse, discourse-expending, semiotics, system, ergodicity, ethnogender, ethnos.